ТРЕБУЙТЕ
ЧУЛКИ „СТАРЪ"
2140

Подписная плата въ мѣсяцъ за 7 номеровъ въ недѣлю
въ Латвіи . . . . . Ls. 3.50 (175 руб.)
Заграницей . . . . . „ 5.20 (260 „)
„ . . . . . 1 амер. дол.

Цѣна отдѣльнаго номера:
въ Латвіи: по воскрес. и праздн. 16 сант. (8 латв. руб.)
въ Латвіи: за обе изд. 60 сант.
„ Польшѣ за обе изд. 50 грш.
„ „ „ утрен. . . 30 „
„ „ „ воскр. 35 „

СЕГОДНЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ:
За строку петита или занимаемое мѣсто – въ Латвіи
въ текстѣ . . . . Ls 1.40 (70 р. латв.) } 4-ая
предш. тексту . . . „ —.14 (7 „ „ } гор.
передъ текстомъ . . . „ —.34 (17 „ „ } колонка
Для заграницы —.10 амер. цент за строку петита

Редакція, главная контора и экспедиція
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.
Телефонъ редакціи 9-2-9-5-9 и 7700, гл. КОНТОРЫ 59-90.
Отдѣленія конторы въ Ригѣ. Известковая 18, тел. 5-24, ул. Свободы 27, ул. Полк. Брѣдиса 2. Московская ул. 106.

Почтовый ящикъ № 85.
Текущіе счета
въ банкѣ Латвіи . . . . . № 534.
„ коммерческомъ банкѣ, Ковно . . . № 638.
на главной почтѣ . . . . . № 115.

8-й ГОДЪ ИЗД. **Воскресенье, 13 іюня 1926 года.** **№ 129**

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

Трагедія Достоевскаго.

Напечатанныя недавно въ Москвѣ письма Достоевскаго къ женѣ остались пока почти неотмѣченными въ зарубежной русской печати, о нихъ было упомянуто лишь вскользь въ немногихъ газетныхъ замѣткахъ. Между тѣмъ, это въ одно и то же время и потрясающій «человѣческій документъ» и яркая страница изъ исторіи русскихъ журнальныхъ поразговъ той поры. Въ любовныхъ обращеніяхъ Достоевскаго къ женѣ передъ нами выступаетъ вся огненная страстность его натуры. Уже въ поздніе его годы, уже послѣ десятилѣтней жёсткой жизни онъ влюбленъ въ жену, какъ пылкій Ромео, любовная страсть клокочетъ въ его неукротимомъ сердцѣ такъ бурно, что его любовныя супружескія признанія просто неловко читать, такъ они интимны, такъ онѣ насыщены до красна той страстью, передъ силой которой спадаютъ всѣ покровы условной стыдливости уравновѣшенныхъ, не холодныхъ и негорячихъ, а тепловатыхъ натуръ.

Конечно, такія письма писались не для посторонняго глаза. Въ одномъ изъ такихъ писемъ самъ Достоевскій сдѣлалъ приписку: «надѣюсь, это письмо никому не покажешь». А вотъ теперь оно напечатано во всеобщее свѣдѣніе! Вотъ тутъ съ всей остротой встаетъ вопросъ, выдвинутый въ извѣстномъ заявленіи Гончарова. Имѣетъ ли знаменитый писатель право на неприкосновенность для постороннихъ глазъ того, что онъ считаетъ интимнѣйшимъ уголкомъ своей души. Конечно, имѣетъ. А съ другой стороны, — знаменитый писатель своимъ творчествомъ, объединяющимъ духовно неисчислимое количество людей съ его личностью, какъ будто уже и самъ превращаетъ себя въ общественное достояніе и даетъ право всѣмъ и каждому стремиться къ проникновенію въ глубочайшіе тайники всѣхъ его душевныхъ движеній, безъ знанія которыхъ нельзя постичь во всякомъ объемѣ смысла его твореній.

Вотъ, хотя бы и эти письма Достоевскаго. Интимнѣйшія признанія, въ нихъ заключающіяся, предназначены были составить тайну между супругами. Обнаруженіе этой тайны является прямымъ нарушеніемъ воли автора писемъ. Читая эти письма, вы словно въ заочную сказку подсматриваете супружеіе секреты. Но — съ другой стороны, — эти письма дѣлаютъ Достоевскаго для насъ понятнѣе, ближе и дороже, и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе и дороже становятся для насъ и его произведенія, а вѣдь къ этой-то послѣдней цѣли конечно, были направлены весь смыслъ творческой работы самого Достоевскаго. Какъ разрѣшить всю сложность этихъ вопросовъ?

Неизлаемая, страстная, пламенная душевная эпоэтія Достоевскаго, развертывается передъ вами въ этой интимной повѣсти его сердца. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «ты говоришь: — странные мы люди, живемъ вмѣстѣ уже десять лѣтъ, а все пылко другъ друга любимъ, а я тебѣ прежезаявляю, что ты никогда напишешь: странные мы люди, живемъ вмѣстѣ двадцать лѣтъ, а все пылко другъ друга любимъ».

Вотъ эта никогда не изнашивающаяся пламенность сердца и даетъ объясненіе того, что каждая страница любого произведенія Достоевскаго посвящена до краевъ духовнымъ электричествомъ.

Этотъ душевный огонь влекъ Достоевскаго въ міръ возвышенѣйшихъ идейныхъ стремленій, а между тѣмъ житейская проза все время гнула его въ баранній рогъ, всю жизнь не выходилъ онъ изъ когтей страшной нужды и бѣдна, какъ рыба объ ледъ, напряженнѣйшимъ, сѣнышнымъ, лихорадочнымъ трудомъ кое-какъ, скозячная жалкіе гроши, чтобы не умереть съ семьей съ голоду. Это — Достоевскій-то, міровой художникъ, проронъ, зажигающій сердца, которому, казалось, отбою не должно было быть отъ редакторовъ и издателей.

А вотъ — подите-же: этотъ міровой писатель несъ въ редакцію свою новую вещь и прожалъ отъ страха отъ неизвѣстности, — радуетъ ему или нѣтъ за нее лишнюю сотню рублей, которая въ данный моментъ была ему нужна до зарѣзу.

Эта сторона жизни Достоевскаго освѣщена въ его письмахъ къ женѣ съ чрезвычайной яркостью и тутъ передъ нами развертывается картина, въ высшей степени любопытная для исторіка русской культуры.

Въ январѣ 1867 года Достоевскій пріѣхалъ въ Москву достать денегъ. Ему до зарѣзу нужны были двѣ тысячи. Безъ этихъ денегъ не могла состояться его свадьба съ Анной Григорьевной Сниткиной, которая неизлого передъ тѣмъ стала его невѣстой. Надо принять во вниманіе, что Достоевскій только что кончилъ печатаніе «Преступленія и Наказанія» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Романъ имѣлъ такой исключительный успѣхъ, что, казалось бы, Достоевскій могъ теперь предписывать редакціямъ свои условія, какъ нѣкій диктаторъ. Но, пріѣхавъ въ Москву, Достоевскій испытываетъ величайшее волненіе, волеленіе, — обратиться ли къ Каткову или къ Леонтьеву, — не можетъ себѣ представить, какъ повернется у него языкъ вымолвить слово объ авансѣ въ двѣ тысячи рублей. Тревоженія кончились тѣмъ, что въ редакціи его приняли, конечно, съ распростертыми объятіями, но дали всего одну тысячу, а другую пообѣщали черезъ два мѣсяца.

И пришлось автору «Преступленія и Наказанія» напречь всю возможную изобрѣтательность, чтобы все-же не отложить свадьбы, затянувъ предварительно всѣ дыры въ своемъ бюджетѣ, т. е. иначе говоря, успокоить многочисленныхъ кредиторовъ.

Въ концѣ зимы 1867 г. Достоевскій находился заграницей въ ужасномъ положеніи. Онъ проигрался въ пухъ въ рулетку. Единственный, возможный выходомъ было попросить франковъ 300 взаймы у Огарева. Мучительнѣйшая драма происходила въ душѣ у Достоевскаго: какъ братъ ленькъ у Огарева, будучи врагомъ его убѣжденій? И вотъ, послѣ долгихъ мучительныхъ колебаній Достоевскій идетъ къ Огареву, излагаетъ ему всѣ свои несогласія съ его убѣжденіями, осыпаетъ его упрэтиями и заявляетъ, что онъ сдѣлалъ это только для того, чтобы получить нравственное право попросить у него на краткое время денегъ.

Пересказываемъ въ 1872 г. Печатается романъ «Бѣсы». Достоевскій опять въ Москвѣ и опять въ великомъ волненіи ждетъ, какъ-бъ рассчитаетъ редакція. Дни идутъ за днями. А Достоевскому каждый день проведенія приставляетъ ножъ къ горлу.

Узнаетъ онъ, что за двѣ непринятыя журналомъ главы романа будетъ вычетъ изъ гонорара.

Это — вспоенѣть Ставрогина, напечатанная лишь совсѣмъ недавно. И онъ пишетъ женѣ письма, полныя тревоги. «Всѣ расчеты зависятъ отъ Леонтьева, а въ расположеніи этого человѣка я не могу быть увѣренныхъ». — «Я разсказалъ Каткову глазъ на глазъ сюжетъ моего будущаго романа, а онъ уже переспазалъ сюжетъ двумъ лицамъ; если такъ, то не можетъ же онъ относиться къ моей просьбѣ пренебрежительно, иное дѣло — Леонтьевъ». Авторъ «Преступленія и Наказанія» волнуется, дрожитъ, погружается въ мимолетныя гаданія о томъ, какъ его разсчитаютъ, словно какая-нибудь пятчонная букашка изъ числа литературныхъ поденщиковъ.

Пропускаемъ еще два года. Въ апрѣлѣ 1874 г. Достоевскій опять въ Москвѣ съ полосонкою романа «Подростокъ» въ портфелѣ. О чемъ онъ хлопочетъ? О томъ, чтобы ему набавили сто рублей за печатный листъ, т. е. взятьсто 150 руб. вмѣсто по 250 руб., какъ платитъ Мельницову-Печерскому. И предъявитъ онъ это желаніе съ трепетомъ и сомнѣніемъ и пишетъ женѣ: «не думаю, чтобы согласились». И дѣйствительно, ничего не вышло: Катковъ купилъ только что у Льва Толстого «Анну Каренину» и совсѣмъ не взалъ у Достоевскаго новаго романа.

Выручило несчаднное обстоятельство: къ Достоевскому вдругъ явился Некрасовъ и попросилъ «Подростокъ» для «Отечественныхъ Записокъ» за 250 р. за листъ. Но тутъ пришло другое бѣдствіе: Достоевскій боялся, что не всѣ его мысли окажутся пріемлемыми для журнала Некрасова и твердо рѣшилъ взять романъ обратно при первомъ же недоразумѣніи на этой почвѣ. Однако, какъ же тогда свести концы съ концами? И вотъ, въ предчувствіи возможности такого случая семья Достоевскаго ради сокращенія расходовъ переѣхала на всѣ лѣто изъ Петербурга въ Старую Руссу.

Переходимъ теперь къ послѣднимъ годамъ жизни Достоевскаго. Опять онъ сидитъ въ кабинетѣ Каткова, сидитъ и мучается, не рѣшаясь приступить къ разговору о гонорарѣ. — «Стали говорить объ общихъ дѣлахъ, — пишетъ Достоевскій женѣ, — и вдругъ пошлась страшная гроза; думаю — заговорить о моемъ дѣлѣ, онъ отъ-кажетъ, а гроза не пройдетъ, придется сидѣть отказанному и оплеванному, пока пройдетъ дождь. Однако, пришедъ дождь былъ заговоритъ. Выразилъ все прямо и просто. При первыхъ словахъ лицо его просвѣтилось, но только что я сказалъ о 300 рубляхъ за листъ и о сумѣ впередъ, то его какъ будто что передернуло». «Катковъ не далъ сразу отвѣтъ и обѣщалъ подумать, — и вотъ — пишетъ Достоевскій — и теперь сижу и думаю, что завтра онъ мнѣ несомнѣнно откажетъ».

Какое же произведеніе предлагалъ Достоевскій московскому журналу? Да ни болѣе, ни менѣе, какъ величайшую жемчужину міровой литературы — «Братьевъ Карамазовыхъ». Разумѣется, Катковъ этой жемчужины не упустилъ. Но не характерно-ли, что авторъ гениальнаго романа сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ и гадалъ: откажетъ или не откажетъ?

Казалось бы при одномъ слухѣ о томъ, что Достоевскій пишетъ новый романъ, редакторы и издатели должны были бы наперерывъ осыпать его заманчивыми предложеніями. Но литературный трудъ дѣйнаго тогда не высоко, журналовъ было мало, и не во всѣ журналы Достоевскій понесъ бы свои произведенія. И вотъ, въ его письмахъ къ женѣ часто встрѣчаемъ фразу: «Измученъ ужасно, боюсь припадка». И тутъ-же разсчетъ расходовъ на остатокъ мѣсяца и видно изъ этого расчета, что поѣзда нѣкуда и остается лишь выѣзжать въ новые годы.

Такъ бился всю жизнь въ когтяхъ нужды геніальный писатель. Такъ и вспоминается слова изъ поэмы Алексѣя Толстого:

Мысль его стремится въ небо,
Самъ — надъ плугомъ онъ согбенъ.

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

ЕВГЕНІЯ ШКЛЯРЪ.

Мадленъ.

(Изъ цикла „Дѣти Парижа“).

Вечерами, за шумнымъ Парижемъ, —
Тамъ, на Сенѣ, поэтъ хохотъ сперетъ,
Серцу какъ-то понятнѣй и ближе
Это звонкое имя — «Мадленъ»!..

О, Мадленъ, — пятилѣтняя крошка,
О, Мадленъ, — золотой пѣтушокъ, —
Поиграй на лужайкѣ немножко, —
И потомъ на метро: — путь далекъ.

Ты зовешь меня «дядей изъ Риги», —
Все прощу, все стерплю и спесу: —
Даже если ты вымажешь книги
Изумительнымъ кремомъ Тиссу!..

И пока я тобой не обиженъ, —
Я люблю твой ребяческій пальчикъ, —
О, прелестная кукла Парижа, —
Златокудрая крошка, Мадленъ!..

Парижъ, іюнь, 1926.

ЕВГЕНІЯ ШКЛЯРЪ.